

СМОТР ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

«АБЕСАЛОМ и ЭТЕРИ»

«Абесалом и Этери» по праву считается одной из лучших постановок Большого театра. Действительно, театр нашел верный путь к раскрытию творения гениального грузинского композитора Захария Палиашвили. Ораториально-строгий стиль музыки Палиашвили, ее графические конструкции, своеобразная звуковая архитектура хороших эпизодов, прачудливый узор грузинского мелоса, тонкий аромат «Этери», старинной, полной светлой грусти легенды о двух влюбленных — все это воплощено в спектакле. Оттого именно так полюбили нам спектакль «Абесалом и Этери», оттого, покидая театр, мы уносим в своем сердце образы Абесалома и Этери, умерших от любви, краткий облик Мурман, разлучившего влюбленных и погибшего вслед за ними, и тень нежной Марихи, сестры Абесалома.

Пробовать силу своего дарования и мастерства в таком произведении для молодого артиста — дело чести, ответственное и почетное. Тут есть где развернуться во всю ширь таланта, показать и музыкальность, и умение проникать в самую глубину поэтического образа, и проявить виртуозное техническое мастерство.

Смотр молодежи в спектакле «Абесалом и Этери» — вот превосходная задача! Что ж, мы можем сказать, что она решена блестяще. Тот, кто видел Н. Д. Шпиллер в роли Этери, Г. Ф. Большакова в роли Абесалома, Т. А. Парфененко — Мариху, Б. И. Кравейшвили — Мурман, Б. П. Зеленинского — Тандарух, О. А. Сельх — Наану, — без сомнения, согласится с самой высокой оценкой спектакля. Мы говорим спектакля в целом, потому что опера сама стала еще свежее и моложе, позанимательнее у своих исполнителей.

И все же по справедливости начинать оценку спектакля надо как раз с того, кто не апатится в списке участников смотра и уже давно и заслуженно завоевал себе почетное место среди советских музыкантов. Мы имеем в виду дирижера А. Ш. Мелик-Пашаева.

Нам думается, что А. Ш. Мелик-Пашаев «нашел себя» в музыке Палиашвили. Масштабный и сложный оркестр «Абесалома и Этери» звучит превосходно. Самое драгоценное в исполнении А. Ш. Мелик-Пашаева — это умение сохранить прозрачность звучания, так что в прихотливых сплетениях многоголосной музыки можно услышать каждый голос, выхватить его в графически чистых начертаниях.

В третьем действии оперы, в драматической сцене расставания Абесалома и Этери есть великолепный футурованный хор, нарастающий и поднимающийся ввысь, словно рисуя в своем движении растущую печаль влюбленных, ужас и горе окружающих. Хор этот прозвучал чудесно, сохраняя и еще усилив драматизм положения. Тот, кто попытался бы узнать, почему эта сцена, почти лишенная внешнего действия, производит такое сильное впечатление, должен обратиться к музыке. Постановщик Р. Н. Симонов правильно сделал, предоставив движение в этой сцене одной только музыке. И дирижер Мелик-Пашаев придал исключительную динамическую силу музыке этого эпизода, благодаря чему вся сцена приобрела наиболее высокую драматическую напряженность и выразительность. Оркестр и хор Большого театра — два воллента, которыми вполне гордиться театр, — в опере «Абесалом и Этери» играют поистине выдающуюся роль, и, конечно, им в очень многом обязан спектакль.

Об исполнительности партии Этери Н. Д. Шпиллер писали уже много раз, и кажется, критика единодушно признала ее лучшей Этери на советской оперной сцене. Это справедливо, и к такой оценке нам прибавить нечего. Впрочем, кое-кто упрекал Шпиллер в некоторой холодноватости сценического образа ее Этери. Упрек неосновательный: Этери и не должна быть слишком темпераментной. В самой музыке она появляется словно окутанной дымкой испещренности, она хрупка, даже несколько призрачна. Это — олимпетворческая нежность, и только иногда в ней проглядывает страсть, могучая и покоряющая. Такова Этери — Шпиллер в последней картине, когда над трупом Абесалома она убивает себя и падает рядом с возлюбленным. Она и вправду напоминает в этот миг появляющийся багровый цветок, серебряную лилию, о которой говорит сказка.

Мы впервые видели на этом спектакле Г. Ф. Большакова в роли Абесалома. Можно только порадоваться прекрасному развитию артиста. Г. Ф. Большаков, работая над партией Абесалома, избавился от своего прежнего недостатка, некоторой форсированности звука. Голос Г. Ф. Большакова, отличный драматический тенор, звучит очень хорошо, ровно во всех регистрах. Да и сценически Г. Ф. Большаков как нельзя более подходит для своей роли. Статный, мужественный Абесалом, настоящий витязь — он даже в заключительной сцене, уже надломленный смертельным недугом, в страстной тоске призывающий любимую, находит властные повелительные оттенки в своем голосе, когда приказывает Мурману идти в горы Илия, в путешествие, из которого возврата нет. В последнем дуэте с Мурманом Абесалом — Большаков особенно хорош. Мурман в спектакле пел Б. И. Кравейшвили, совсем молодой артист, поступивший в театр в конце прошлого года.

Без сомнения Б. И. Кравейшвили — весьма ценное приобретение в калитрах Большого театра. Сочный, гибкий, удивительно кра-

сивого тембра голос Б. И. Кравейшвили обещает блестящую будущность артисту. К тому же Б. И. Кравейшвили музыкант, пения его безупречны, сценические, актерские данные также, по видимому, очень значительны.

Уже сейчас Б. И. Кравейшвили коронный Мурман. По он может и должен быть Мурманом замечательным, а это еще в будущем, хотя, по всем признакам, и очень скоро. Молодому артисту нужно работать буквально не покладая рук. В его игре еще не мало внешней позы, в пении ощущается некоторая нарочитая «чуждость» фразы, искусственность декламации. Б. И. Кравейшвили еще не выработал самостоятельного стиля исполнения, хотя уже налицо все необходимые элементы такого стиля. Повторим, молодому певцу надо много и усердно работать над собой, ни на мгновение не увлекаться первыми успехами.

Природа богато одарила Б. И. Кравейшвили, и без сомнения мы очень скоро увидим его во всем блеске его таланта.

Т. А. Парфененко — очаровательная Мариха. Прелестная канцонетта во II акте и песенка Марихи в последней картине оперы были спеты с таким грациозным изяществом, что лучшего и пожелать нельзя.

Из остальных исполнителей надо выделить О. А. Сельх — Наану. Уже не в первый раз мы слушаем Сельх в партии Нааны и удивляемся несправедливости критики, почти совершенно умолчавшей об этой артистке. Между тем О. А. Сельх — Наана — истинное украшение последнего действия оперы. Простенькая, залушечная песня Нааны с хором девушек, высвечивающих красоту Этери, была спета артисткой Сельх с подкупающей искренностью и теплотой.

Д. ГРИГОРЬЕВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.